

IV. Диалоги, контраверсии, воспоминания

Мария Цимборска-Лебода

«Прискорбный промах»?

**Между Дионисом и «грамматикой»:
Мережковский – Пушкин – Вяч. Иванов**

Вопрос «Мережковский и Вяч. Иванов», важный для понимания литературных отношений эпохи символизма, и шире – культуры Серебряного века, а также для их научного описания, уже становился предметом частичного изучения. В 1999 г., в Варшаве в VII томе «*Studia Rossica. W kraju i na obczyźnie*», увидела свет переписка Мережковского (семь писем) и Вяч. Иванова (одно письмо), опубликованная благодаря усилиям двух исследователей: Марии Цимборской-Лебода и Николая Богомолова¹. Отдельно в указанном томе была напечатана статья тех же авторов, комментирующая это издание². Как отмечается в статье, переписка представляет интерес не только в плане лично-биографических связей двух писателей. Она имеет значение для осмысления их философско-эстетического наследия в целом, отражая «этапы и эволюцию литературных отношений внутри символизма» и «поиски нового, более соответствующего современности, религиозного сознания»³.

В свете опубликованных писем (и не только) во взаимоотношениях двух лидеров русского символизма можно выделить три этапа. Первый (1904–1905 гг.) – «Ново-Путейский период» – это этап близости двух мыслителей, их сотрудничества в «Новом пути». Второй этап (1906 г.) – время размежеваний, расхождений и даже резких выпадов: «началом этой резкости послужил выпад Мережковского против Вяч. Иванова в его статье „Грядущий Хам”»⁴. Отповедью Иванова стала статья «О „факельщиках” и других именах собирательных». В неотправленном письме к Мережковскому Иванов говорит о наличии «преднамеренного и коварного оклеветания, очернения и дискредитирования»⁵. Все это позволяет считать, что в 1906 г. мера схождения Иванова с Мережковским «была невелика»⁶. Рубежом во взаимоотношениях двух писателей стал 1908 г., чему свидетельство мировоззренчески принципиальное письмо Иванова от 28 ноября 1908 г., где он желает «объясниться настолько, чтобы ясно знать, в чем существует единение и в чем разделение»⁷, выявляя иную, чем у Мережковского, позицию по отношению к Церкви и свою связь как христианина «с судьбами русского религиозного сознания»⁸. Иная позиция, выражающая расхождение с Мережковским, обнаруживается в особой акцентации «пробуждения мистической

¹ Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым // Публикация и комментарии Цимборска-Лебода, Мария, Богомолов, Николай. // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku*. Pod red. Wiktora Skrudny. Warszawa: Instytut Rosycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999, с. 81-92.

² Цимборска-Лебода, Мария, Богомолов, Николай. К проблеме «Мережковский и Вячеслав Иванов» // *Studia Rossica VII*, с. 65-80.

³ Там же, с. 65-66, с. 65.

⁴ Там же. См. об этом: Пчелина, Ольга. Философские взгляды Д.С. Мережковского в контексте мировоззренческих поисков рубежа XIX-XX веков: монография. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет. 2015, с. 9.

⁵ Письмо Вяч. Иванова к Д. С. Мережковскому. Публ., вступ. статья и коммент. Геннадия Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994, с. 162-164. Эл. версия http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0350.shtml. 30.07.16.

⁶ См. подробнее: Цимборска-Лебода, Мария, Богомолов, Николай. К проблеме «Мережковский и Вячеслав Иванов», с. 70-74.

⁷ Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым, с. 85.

⁸ Там же.

жизни личности»⁹. Иванов пишет о высокой значимости *углубления* сознания, развития *личного внутреннего опыта*, проникнутого *духом свободы*¹⁰. С 1908 г. начинается третий этап во взаимоотношениях авторов, отмеченный острыми, негативными выступлениями Мережковского против Иванова.

1910-ые гг. (особенно показателен эпизод весной 1911 г.) – это время еще более сильного расхождения Иванова и Мережковского, их отношения становятся отчужденными и далекими не только в личном, биографическом аспекте, но и в литературном (только в эмиграции ситуация изменится). В этом плане любопытной и важной является обзорная статья Вячеслава Иванова «Marginalia»¹¹, в которой поэт-эллинист, поклонник европейской культуры, любитель Пушкина и автор работы о нем, входит в полемику с бывшим соратником, таким же, как он, любителем «эллинской мудрости», ценившим Ницше, и, подобно Иванову, являвшимся интерпретатором великого поэта.

Полемика, о которой пойдет речь, как раз и связана с именем Пушкина и его стихотворением «В начале жизни школу помню я» (1830), написанным терцинами. Точнее говоря, предметом спора становится одна строфа пушкинского произведения, получившая интерпретацию Мережковского. При этом знаменательно то, что в обоих случаях – и у Мережковского, и у Иванова, пушкинские терцины вводятся в пространство другого произведения, являя собой *текст в тексте*. Так, у Мережковского стихотворные строфы попадают в монументальную книгу «Л. Толстой и Достоевский», где получают определенное освещение и толкование¹². У Иванова же пушкинский текст используется с явно полемической целью в вышеуказанной статье 1912 г. Ситуация осложняется тем, что Иванов, конечно, зная сочинение автора «Христа и Антихриста», цитирует Пушкина, но извлекает точку зрения Мережковского, так сказать, «из вторых рук», т.е., опираясь на работу Вольфинга (Э.К. Метнера) «Модернизм и музыка»¹³, в которой «часто ведется речь о Дионисе»¹⁴. Разделяя во многом мнения Вольфинга, Иванов ценит в его книге «признаки» «проникновения в Дионисову тайну», «негодующий протест против злоупотребления имени Диониса», а также против «проявлений лже-дионисийства в модернизме»¹⁵.

Именно в связи с рассуждениями Иванова о книге Вольфинга, о понимании и непонимании Диониса, мы находим важный полемический момент, любопытный в герменевтическом и культурологическом аспектах. Сама же полемика есть свидетельство отношения Иванова к Мережковскому на данном этапе.

Итак, констатируя тот факт, что Вольфинг идет по стопам Мережковского и присоединяется к его интерпретации Пушкина, Иванов с укором отмечает: «Вольфинг вспоминает знаменитые стихи:

Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон – лживый, но прекрасный...

И, соблазненный именно лже-дионисийством модернизма, относит их к Дионису, повторяя *прикорбный промах* Д.С. Мережковского (в его монументальной для своей эпохи книге о «Толстом и Достоевском») – интерпретации, которой все почему-то твердо поверили...»¹⁶.

⁹ Там же, с. 86.

¹⁰ Там же, с. 87.

¹¹ Иванов, Вячеслав. Marginalia // Труды и дни, № 4-5, 1912, с. 38-45.

¹² Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Москва: Республика. 1995, с. 9.

¹³ Ср. весьма важное утверждение Иванова: «Но книга [Вольфинга], в настоящую минуту, не под рукой у пишущего: замечания случайные, они основываются на воспоминаниях о прочитанном и не представляют собой методического разбора воззрений Вольфинга на существо и значение Дионисова начала в музыке и культуре». Иванов, Вячеслав. Marginalia, с. 38.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 38-39.

¹⁶ Там же, с. 40. Выделено мной – М. Ц.-Л.

Как мы видим, выражая удивление или недоумение, Иванов, нехотя, но все же констатирует как значимый и примечательный факт авторитетность и популярность в русской модернистской культуре интерпретации Мережковского пушкинского стихотворения («все твердо поверили»). Считая эту интерпретацию «прискорбным промахом» (о его аргументах – далее) и пользуясь случаем войти в диалог с Мережковским, дать ему *ответ* (в бахтинском смысле слова), поэт восстает «против важного по последствиям недоразумения»¹⁷. Этому недоразумению и полемике с ним Иванов посвящает отдельный раздел своей статьи, написанный местами с публицистическим задором.

Задача и организация моей исследовательской мысли такова: сначала привести аргументацию Иванова, затем вернуться к логике Мережковского. Думается, это даст возможность сопоставить две стратегии прочтения художественного текста, два *способа восприятия* пушкинского стихотворения с учетом двух противоположных критико-методологических установок.

Итак, в чем, по Иванову, состоит «прискорбный промах» Мережковского? И в чем суть несогласия поэта с истолкованием стихотворения Пушкина?

1. Пушкин, по мнению Иванова, непогрешимо верен античности, т.е. «духу древности, и притом *древности подлинной*»¹⁸. Мережковский же изменяет и древности, и самому Пушкину, прочитывая его текст сквозь призму книги Ницше и его известной схемы / оппозиции Аполлона и Диониса. Отсюда ивановская, несколько иронизирующая, констатация: раз в стихотворении Пушкина легко прочитывается Аполлон, то Мережковский «непременно заключает», что «другой бес» – его *обязательный* коррелят, Дионис¹⁹.

2. *Промех*, приписываемый Мережковскому, определяется тем, что в *женообразном* демоне, *лживом*, но *прекрасном*, он усматривает Диониса. Согласно же Иванову, Дионис / Вахх «никогда не гермафродитский тип, никогда не тип сладострастный»²⁰. К тому же, в представлении Иванова, он связан не со сферой прекрасного, а эстетически понятого *хаотического*, раскрываемого в категориях упразднения граней и «плодотворного лона»²¹. Однако, сделаем тут же необходимую оговорку: в период близости двух писателей, т.е. тогда, когда Мережковский печатал «Эллинскую религию страдающего бога» Иванова, именно в этом сочинении он (Мережковский) мог найти положение о двуполости Диониса²², мысль об андрогинном облике Диониса-девы и его религиозном значении (хотя книга «Л. Толстой и Достоевский» появилась раньше, в 1901–1902 гг.). Приведем фрагмент исследований Иванова, выделяя в нем «женовидные» атрибуты Диониса, позволяющие, думается, прозреть в нем (пушкинский) «прекрасный» облик демона: «Религиозная идея Диониса-девы, женовидного (Θηλύμορφος) или мужеженского (ἀρσενόθηλος), Диониса в одеждах женских – обуславливает позднейший художественный тип бога-юноши с формами изнеженного, почти женского тела»²³.

3. Отмечая концептуальный *промах* в интерпретации Мережковского, Иванов дает ему филологическое объяснение, сопоставляя обычное понимание лексемы *женообразный* с поэтическим и филологическим. В первом случае речь идет о «мужчине, похожем на женщину». В

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Выделено мной – М. Ц.-Л.

¹⁹ Там же. Выделено мной – М. Ц.-Л.

²⁰ Там же, с. 41.

²¹ Иванов, Вячеслав. Символика эстетических начал // Собрание сочинений в 4 томах. Том I. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971, с. 823-830; с. 829. Выделено мной – М. Ц.-Л.

²² Подробную трактовку находим и в «Символике эстетических начал»: «... Хаотическая сфера – область двуполого, мужеженского Диониса». Там же, с. 829.

²³ Иванов, Вячеслав. Эллинская религия страдающего бога // Символ, № 64, 2014, с. 3-228; с. 138-139. Любопытно в этой связи привлечь стихотворение поэта «Нарцисс» (из цикла «Прозрачность») с инципитом «Кто ты, прекрасный?...»: «Дивный, не сам ли ты Вахх, лелеемый нимфами Низы, / Ловчий, ленивец нагой, *нежный* любимец богинь?» Иванов, Вячеслав. Собрание сочинений, т. I, с. 775. Добавим к тому же, что эпитет «лживый» в стихотворении Пушкина у Мережковского мог ассоциироваться с тем атрибутом Диониса, который у Иванова мог бы включиться в семантическое поле «бога-обманщика». Иванов, Вячеслав. Эллинская религия страдающего бога, с. 77.

случае же Пушкина – о «демо́не, принявшем обличье женское»²⁴. Согласно Иванову, в стихотворении речь идет о воплощении женственного («имеющий образ женщины»), или о «Frau Venus, античном бесе *par excellence*», в средневековом понимании – «самом страшном и соблазнительном»²⁵. Таким образом, пушкинского отрока прельстили не Аполлон и Дионис, а Аполлон и Венера.

Вывод Иванова однозначен: «... Мережковский не узнал у Пушкина собственной „белой дьяволицы“. Его сбил грамматический мужской род; но, ведь, прилагательные согласованы с существительным „бес“, или, если угодно, „идол“»²⁶. Согласование, по Иванову, у Пушкина имеет целью выявить женское обличье демона, ибо душою обоих кумиров, в глазах средневековья, «был сам Сатана; женская же форма была только „прелесть очей“»²⁷.

Второй вывод, более общего типа, еще сильнее: «Грамматика имеет свою жизнь в культуре. Современность же мало грамматична. Это – дурной симптом, показатель культурного упадка»²⁸.

Заключение размышлений Иванова – филолога, любителя словесности, должно объяснить, почему Мережковскому и его интерпретации *поверили все*. Культурный упадок, по Иванову, проявляется в том, что у его современников (читай: у Мережковского) отсутствует не то «грамматический гений», не то «грамматический слух». С этим, и не только, связано, согласно Иванову, непонимание / незнание «Дионисовой стихии» (подлинного Диониса – бога музыки), заменяемое модернистским лже-дионисийством²⁹.

Обратим теперь внимание на адресата ивановской полемики и основания для его толкования пушкинского текста. Прежде всего, существенным здесь является то, что стихотворение Пушкина привлекается Мережковским в рассуждениях историософского характера, в дискурсе о России и Европе, о будущем России («здесь нет возврата ни к западникам, ни к славянофилам») ³⁰. Принимая пророческий тон, писатель в поисках синтеза говорит от имени «мы», от имени русских, заявляя (вслед за Достоевским и Зелинским), что у русского человека две родины. В этой связи Мережковский в качестве культурного знака привлекает *излюбленное* им (помимо Достоевского) имя Ницше³¹, выявляя его роль как воскресителя древних богов и язычества, как философского начала и необходимого элемента чаемого «культурного синтеза»³².

Поэтому, приветствуя «столь весеннюю» и *юношескую* книгу Ницше «Рождение трагедии...», отмечая тоску по Европе как духовной родине, с ее «новыми живыми чудесами», мыслитель констатирует: «И для нас, русских, это явление нового Аполлона и Диониса было тем более знаменательно, что оно напоминало нам видение отрока Пушкина, который из школы христианской наставницы с очами „светлыми как небеса“, со словами „полными святыни“, убежал

²⁴ Иванов, Вячеслав. *Marginalia*, с. 41.

²⁵ Там же. Выделено мной – М. Ц.-Л.

²⁶ Там же. Стоит отметить в качестве значительного факта, что уже в статье «Ницше и Дионис» (1905), рассматривая проблему ницшеанского отношения к Дионису, Иванов парафразирует терцины Пушкина (позднее, ставшие предметом полемики); он отмечает, что автор «Рождения трагедии» порою «убегал в *чужой сад Аполлона*». И далее, уже цитируя Пушкина, пишет: «Его пленял – *дельфийский идол: лик молодой / Был гневен, полон гордости ужасной, / И весь дышал он силой неземной*». Иванов, Вячеслав. *Собрание сочинений*, т. I, с. 715-726; с. 722. Если все же Иванов не упоминает другого пушкинского идола, то, думается, по двум возможным причинам: 1. Уже тогда второй демон для Иванова не есть Дионис; 2. Острые полемики поэта направлено на Ницше, а не на Мережковского (которому «все поверили»), ибо отношения двух поэтов в период создания статьи были вполне дружелюбные. Добавим, что в другом стихотворении Иванова («Греческая ваза», 1918 г.) Дионис именуется «милым демоном». Иванов, Вячеслав. *Собрание сочинений*, т. III, с. 545-546; с. 546.

²⁷ Иванов, Вячеслав. *Marginalia*, с. 41.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 38-39.

³⁰ Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 8.

³¹ Брандес, Георг. Мережковский // Д. С. Мережковский: *pro et contra*. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2011, с. 313-321; с. 320.

³² Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 9.

„в великолепный мрак *чужого сада*”, к языческим идолам»³³. Далее Мережковский цитирует девять стихов Пушкина – «русского певца Аполлона и Диониса», начиная со слов:

«Меж ними два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой.
То были двух *бесов* изображенья <...>»³⁴.

Вплетая текст Пушкина в качестве несомненного авторитета и «вечного спутника» в свой историософский дискурс, выявляя пушкинскую поэтическую интуицию, как бы предваряющую ницшеанскую (это опровергает Иванов), автор «Тайны Трех» обосновывает таким образом свою культурологическую конструкцию. Причем стратегия Мережковского вполне осознана; в той же книге о Толстом и Достоевском (по словам Бердяева, «лучшее из всего им написанного»³⁵) писатель подчеркивает правоту своей мыслительной конструкции и разъясняет ее сущность, защищая тем самым свою более раннюю статью о Пушкине. Так, он повторяет мысль о творческой особенности Пушкина, состоящей в гармоническом единении языческого и христианского начал, и отвергает обвинения в том, что он якобы приписывает Пушкину собственные «ницшеанские» идеи (по мнению писателя, его идеи враждебны последним выводам ницшеанства)³⁶.

Как бы то ни было, с исследовательской точки зрения, мы имеем здесь дело со столкновением или размежеванием двух или даже трех интенций: интенции автора-посредника, т.е. собственно Мережковского, и интенции пушкинского текста (*intentio operis*), постулирующего, если учесть полемическое толкование Иванова и разногласия современных пушкиноведов, неоднозначное прочтение многослойных символов, символических *бесов-идолов*³⁷.

Не вызывает сомнения, что стратегия прочтения Пушкина Мережковским или его способ восприятия стихотворения поэта, обусловленные мировоззренческими установками, в определенной мере заданы идеологической ситуацией и ценностными запросами эпохи модернизма, ее *episteme*, в которую вписывались, конечно, и сам Иванов со своими штудиями об античности (см. его очерк «О Дионисе и культуре»), и Ницше, и Зелинский³⁸. Иными словами, интерпретация Мережковского соотносится или должна быть соотнесена с позицией культурного потребителя / реципиента эпохи, с его компетенцией или «образно-мыслительной способностью», по выражению Михаила Кузмина³⁹. В этой связи небезынтересно привлечь высказывание Андрея Белого из работы «Орфей», напечатанной в 1912 г. в тех же «Трудах и днях», почти «рядом» с ивановской полемической статьей. Думается, оно создает важный контекст для понимания интерпретационной позиции Мережковского, по-новому освещая и оправдывая предложенную им возможность прочтения Пушкина. Уместно при этом добавить, что в оценке писателя, поэт предстает в качестве настоящего русского, «русской меры всего»⁴⁰ и тем самым, воспользуемся определениями Достоевского (из его известной речи о Пушкине), в облике «всечеловека»,

³³ Там же. Курсив Мережковского.

³⁴ Там же. Мережковский цитирует первую строку стихотворения, видимо, по памяти. В оригинале: «Другие два чудесные творенья». Пушкин, Александр. Полное собрание сочинений в 9 т. Т. III. Стихотворения 1827-1836. Москва-Ленинград: АН СССР, 1949, с. 203.

³⁵ Бердяев, Николай. Новое христианство (Д. С. Мережковский) // Д. С. Мережковский: pro et contra, с. 331-353; с. 335.

³⁶ Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 10.

³⁷ Плодотворной в этом контексте представляется точка зрения Вл. Паперного, согласно которой, «поздний Пушкин был очень конкретный, и за его романтическими декларациями о безграничной свободе Поэта стояло вполне определенное знание о самом себе как о создателе неодолимо притягательных и соблазнительных текстов, призванных уловить в сеть читателя, заставить его любить себя, но долженствующим оставаться непостижимыми». Паперный, Владимир. Мудрость Пушкина (Пушкин и библейская «литература мудрости») // Slavia Orientalis. Т. XLVI. 1997, № 3, с. 373-386; с. 385.

³⁸ См.: «... никогда еще человеческий ум так не был приспособлен к тому, чтобы понимать и воспринимать античность, как именно теперь»; «Наша родина по духу – это античность для всех нас...»; «... отделять христианство от античности нельзя ...». Зелинский, Фаддей. Древний мир и мы // Из жизни идей. Т. II. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюкевича, 1905, с. 77-79.

³⁹ Кузмин, Михаил. «Cor ardens» Вячеслава Иванова // Труды и дни, № 1, 1912, с. 49-51; с. 50.

⁴⁰ Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 11.

воплощая в своем творчестве «всечеловеческое», универсальное. Стоит поэтому задаться вопросом, кто – какой *демон* – в созданном Мережковским *символистском образе Пушкина* (определение Е. Андрущенко), с присущим поэту почитанием «образцов величавой древности»,⁴¹ мог в большей степени символизировать это универсальное и вселенское начало («всемирность смысла»): Дионис или Венера? Учитывая идеологический контекст эпохи и ценностную доминанту символистского сознания, можно сказать: Дионис – как «символ символов» (по выражению Ронена)⁴², как «вечное чудо мирового сердца в сердце человеческом, неистомного в своем пламенном биении <...>»⁴³, как «вакхическая форма Эроса»⁴⁴.

Остановим, однако, наше внимание на точке зрения Андрея Белого, подчеркивая продуктивность его проекта прочтения / восприятия культурных текстов, говоря более точно – восприятия «греческой мысли», – согласно метафорической «модели крыльев»: *крыльев понимания*, вырастающих из «органического усвоения символов прошлого»⁴⁵.

Усвоение символов трактуется как герменевтический акт (акт перевода, по Гадамеру), в котором *чужое* становится *своим*. При такой перспективе возможность «прискорбного промаха» в интерпретации Мережковского удаляется; культура оказывается не только «грамматичной», но также «символичной», предполагая расширение границ и умножение стилей и способов восприятия⁴⁶, давая импульс новым истолкованиям, определяемым новыми, высшими ступенями сознания. Подтверждение этого – новое прочтение мифологемы Диониса у Иванова⁴⁷, возникшее – в качестве ответного слова / смысла – в процессе отрицания концептуализации пушкинских образов («демонов сада») у Мережковского, прежде всего «женообразного демона».

Диалог представленных здесь интерпретаций Пушкинского текста, остающегося загадочным и для современных исследователей творчества автора «Евгения Онегина»⁴⁸, обнаруживает также дополнительный аспект: разногласия в отношениях между двумя корифеями русского символизма, получившие отражение и развитие в статье Иванова «Мимо жизни» (1916). Однако анализ этой статьи, ивановских оценок мировоззрения и творчества Мережковского, там содержащихся, выходит за пределы данной статьи и будет предметом отдельной работы.

⁴¹ Пушкин, Александр. Мысли о литературе. Москва: Современник, 1988, с. 102.

⁴² Ronen, Omri. A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth-Century Russian Lyrical Poetry // *Myth in Literature*. Ed. by Andrej Kojak, Krystyna Pomorska and Stephen Rudy. Ohio: Slavica Publ., 1985, p. 110-123; p. 112.

⁴³ Иванов, Вячеслав. По звездам. Статьи и афоризмы. Санкт-Петербург: Оры, 1909, с. 7.

⁴⁴ Фрейденберг, Ольга. Миф и литература древности. Москва: Восточная литература РАН, 1978, с. 39.

⁴⁵ «[Э]та (греческая – М. Ц.-Л.) мысль по-новому ныне просвещается и высветляется в религиозном свете; в таком свете представлявшая мысль являет собой как бы модель крыльев; мы ждем этих крыльев <...> эти крылья естественно будут у нас вырастать из органического усвоения символов прошлого». Белый, Андрей. Орфей // *Труды и дни*, 1912, № 1, с. 63-68; с. 67.

⁴⁶ Ср. Głowiński, Michał. *Style odbioru*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977, s. 120, 129. Гловински выделяет несколько стилей восприятия художественного текста в определенную культурную эпоху, в том числе «символический стиль»: это «открытый стиль», предполагающий возможность множественности значений конкретного произведения. В несколько иной методологической перспективе, диалогической, выражает это Бахтин, возражая против *замыкания в текст* и говоря о «нескончаемом обновлении смыслов во всех новых контекстах», о том, что «нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее). Даже *прошлые* <...> смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь)». Бахтин, Михаил. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986, с. 392-393.

⁴⁷ Ср. «<...> Дионис – вовсе не „идеал“. Не только не идеал „сомнительный“ и „живый“, но вообще не идеал. <...> Дионис только – движение <...>. Дионис – не идеал. Но завет его, но слово его выше, чем всякий человеческий идеал. Это слово: „Stirb und werde“...». Иванов, Вячеслав. *Marginalia*, с. 42-43.

⁴⁸ См.: Иванов, Вячеслав Всеволодович. Два демона (беса) и два ангела у Пушкина. Эл. версия <http://www.ruthenia.ru/document/530013.html>. 30.05.16. См. также: «Мало есть пушкинских образов, которые бы так томили комментаторов, как образы эти двух бесов». Якобсон, Роман. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987, с. 158. С интерпретацией Мережковского ученый не соглашается, иначе к ней относится Вяч. Вс. Иванов; интерпретации же автора «*Cog Ardens*» оба исследователя явно не знают.

Maria Cymborska-Leboda: A “Doleful mistake”? Between Dionysus and “grammar”: Merezhkovsky – Pushkin – Vyacheslav Ivanov

The article is related to the problem of relationships between Dmitry Merezhkovsky and Vyacheslav Ivanov. The object of analysis is a little-known 1912 survey article by Ivanov and its polemics with the interpretation of Pushkin's terza rima (“В начале жизни школу помню я”) suggested by Merezhkovsky in *L. Tolstoy and Dostoyevsky* and perpetuated in the consciousness of the writers from the beginning of the 20th century (Emilii Medtner, under the pseudonym “Vol’fing / Wolfing”). The article contrasts the two readings of the symbolism of “devils / demons” in Pushkin's “cryptic” poem, the two different methodological approaches represented by the two poets, both experts on antiquity; it points to the “ideological” contexts determining the two different styles of the reception of cultural facts.

Key words: D. Merezhkovsky, Vol’fing (Emilii Medtner), A. Pushkin, Vyacheslav Ivanov, Apollo, Dionysus, Venus, polemics